

11. Ahrend R. Speed of Reform, Initial Conditions, Political Orientation or What? Explaining Russian Regions Economic. RECEP Working Papers, 2000.,
12. Berkowitz D. and DeJong D. (1998) Accounting for Growth in Post-Soviet //Russia University of Pittsburg manuscript *Borders and Border Regions of Europe and North America*. San Diego, San Diego State University Press and Institute for Regional Studies of the California, 1997.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ КАРЕЛИИ

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

В докладе предложен краткий экскурс в этническую историю Карелии, основанный на многолетних исследованиях ИЯЛИ в области археологии, истории, этнографии и языкоznания. Некоторые открытия приобрели уже характер хрестоматийных, другие стали фактами науки лишь в последние годы.

О первых этапах в истории освоения Карелии свидетельствуют результаты археологических раскопок. Благодаря в первую очередь исследованиям археологов ИЯЛИ в Карелии известно более 2500 археологических памятников. На их основе можно утверждать, что освоение территории Карелии древним человеком началось с VII в. до н.э. Эпохи мезолита, неолита и энеолита содержат в себе множество загадок, среди которых одной из главных является этническая принадлежность носителей названных культур. Вопреки более ранним предположениям российских и финляндских археологов неясным является и происхождение носителей культуры бронзового века. Можно говорить лишь об участии их – в качестве одного из компонентов – в последующем формировании финно-угорских этносов. По мнению М.Г. Косменко впервые отчетливо и ясно об этнической принадлежности древнего населения Карелии можно говорить, начиная с середины I тыс. до н.э., когда происходит распространение местных культур железного века – позднекаргопольской, лууконсаари, прибеломорской и арктической. Их истоки в ананьинских древностях Среднего Поволжья, при этом известно, что они приняли участие в формировании саамского этноса.

Более конкретную этноязыковую принадлежность культур железного века помогает установить топонимика. В последнее время удалось выявить ряд показательных топонимических моделей, ареал которых укладывается в границы определенных археологических ареалов железного века. При этом в языковом отношении они представляют т.н. прасаамское, т.е. предшествующее современному саамскому языковое развитие. Убедительным примером является широко представленная в юго-восточном Обонежье топонимная модель *Илекса*, в которой реконструируется прасаамская (или прафинская) основа *ylekse ‘верхний’. Ее ареал достаточно четко укладывается в ареал позднекаргопольской культуры, что позволяет предполагать в ней след языка “позднекаргопольцев”. Приблизительно в тех же ареальных границах существует еще ряд топонимных моделей (*šim* ‘черный’, **ašk-* ‘окунь’), в языковом отношении занимающих промежуточное положение между волжско-финскими и прибалтийско-финско-саамскими языками. Очевидно, они репрезентируют тот языковой тип, на основе которого позднее сложилась собственно саамская топонимия, в изобилии распространенная в Карелии и отражающая доприбалтийско-финское время (I – начало и середина II тыс. н.э.). Интенсивность саамской топонимии возрастает по мере продвижения на восток и север Карелии, что обусловлено характером контактов с последующей прибалтийско-финской волной освоения территории края. Саамский этап отложился в определенной степени и в средневековых письменных источниках.

Вепсы, населяющие ныне узкую полосу юго-западного берега Онежского озера, были в средневековые основным населением южной Карелии – Обонежья и Онежско-Ладожского перешейка. Есть основания полагать, созданная в конце XV в. административная единица – Заонежские погосты Обонежской пятини – объединяла прежде всего земли с вепсским населением. Вепсское наследие просматривается в данном ареале в археологических памятниках – курганах X-XIII вв., в отсутствии еще в XVII в. четких границ землепользования между четырьмя погостами Онежско-

Ладожского межозерья, что указывает на племенные связи местных жителей как прямых потомков древних вепсов. Надежные вепсские следы сохранились также в местных карельских и русских говорах. Еще в 1940-50-е годы на основе обширного лингвистического материала, собранного под руководством Д.В. Бубриха и представленного в “Атласе карельского языка”, было доказано вепсское участие в формировании двух наречий карельского языка – ливвиковского (олонецкого) и людиковского. Последующие исследования уточнили механизмы, составляющие, хронологию этого межэтнического синтеза. В частности, было доказано, что он происходил на фоне глубокого и затяжного спада в этнокультурном развитии вепсов и завершился не ранее XVII в. Были выявлены пути продвижения вепсского и карельского населения на территорию перешейка и зависимость “степени карелизации” от удаленности проживания этнолингвистических групп олонецких карел от бассейна Шуи. Последними исследованиями А.Ю. Жукова доказана роль административного фактора в формировании людиковско-ливвиковской границы, которая в XVI-XVII вв. совпадала с границей, разделявшей чернососные и принадлежавшие новгородскому архиепископу владычные земли. Ради увеличения суммы ренты новгородский архиепископ придерживал карельских выходцев на своей территории, что значительно повысило “уровень карелизации” западной, т.е. ливвиковской части Ладожско-Онежского межозерья.

Если Олонецкий перешеек подвергся карелизации, то прилегающая к Онежскому озеру бывшая вепсская территория оказалась на путях русской колонизации, что привело к смене идентичности и утрате языка вепсами Заонежья, Пудожского и Вытегорского побережья. Сохранение в этих условиях локальной группы северных (прионежских) вепсов следует связать с неприглядностью территории их расселения с точки зрения сельскохозяйственного освоения, а также тем, что на протяжении длительного времени места их проживания находились в стороне от магистральных путей русского и карельского освоения.

Археологические изыскания позволяют говорить о том, что карелы как этническое образование сформировались на рубеже I-II тыс. н.э. в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке. Благодаря раскопками С.И. Кочкуриной городищ Паасо и Лопотти в северном Приладожье современная наука имеет представление об экономических основах жизни, промыслах, торговле, религии средневекового карельского населения. Продвижение карел из северо-западного Приладожья на восток было обусловлено экономическими (поиски новых промысловых, а затем и сельскохозяйственных угодий) и военно-политическими (русско-шведское противостояние) причинами. Особенную большую роль сыграл массовый исход карелов из северного Приладожья в XVI-XVII вв. из-за приграничных русско-шведских войн. Основными путями продвижения служили реки и соединяющие их волоки, о чем убедительно свидетельствуют многие дифференцирующие карельские языковые, в том числе топонимные ареалы, привязанные к бассейнам пересекающих Карелию с запада на восток рек (напр., топонимная модель *Юлмаки*). При этом продвижение карел сопровождалось ассимиляцией местного населения, на юге Карелии вепсского (см. выше), севернее – саамского. Комплексное исследование в одном из опорных ареалов активного карело-саамского этнического контактирования – Сегозерье – позволяет восстановить механизмы происходившей ассимиляции. Бытование у сегозерских карел двух этнонимов-самоназваний – *karjalani* ‘карел’ и *lappalani* ‘лопарь’, из которых первый используют жители крупных исторических центров Сегозерья, в то время как второй локализован в небольших поселениях на юго-востоке современного этнического ареала, имеет историческую подоплеку. Этноним *karjalani* сохранялся в условиях “залповой” миграции компактными группами, консолидирующих переселенцев и способствующих консервации традиционной культуры. Наоборот, самоназвание *lappalani* появилось в результате рассредоточенного расселения карел-переселенцев среди аборигенного саамского населения с последующей культурной интеграцией саамов.

Диалектное членение карельского языка на собственно-карельское, ливвиковское и людиковское наречие основывается на степени близости их к древнекарельскому языку Приладожья. Древнее наследие лучше сохранилось в собственно-карельском наречии северной и центральной Карелии, при этом его северные диалекты испытали довольно ощутимое финское воздействие. В языке олонецких карел собственно-карельский элемент «перекрыл» вепсский, в людиковском же карельский и вепсский компоненты сохранили примерную паритетность. Карельское наследие прослеживается и на территории современной русской Карелии – в Обонежье и на побережье Белого моря.

Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии, приведшее к изменению этнической ситуации, начинается не ранее середины XIII в., времени натиска монголо-татар

и немецких рыцарей на псковские и отчасти новгородские земли. Продвижение происходило по водным путям, связывающим Обонежье с Беломорьем и бассейном реки Онеги, что приводило к обрушению местного прибалтийско-финского (вепсского, карельского) населения вдоль названных водных магистралей. Ареальный анализ топонимных моделей свидетельствует о неоднородности славянского освоения. К примеру, налицо ареальная дистрибуция двух моделей речных наименований: имеющие формант *-ина* (*Ивина, Важина, Остречина, Чебина* и др.) представлены вдоль западного побережья Онежского озера, в то время как оформленные суффиксом *-ица* (*Шалица, Тамбница, Возница*) вдоль восточного. При этом противостояние выходит за пределы Обонежья таким образом, что тип *-ина* господствует в Присвирье, а тип *-ица* обходит его с юга и востока, тем самым маркируется два пути новгородского продвижения в Карелию. Данный ареальный контекст поясняет и генезис западной и восточной этнокультурных зон в Заонежье, возникших соответственно в притяжении двух выявленных путей. В то же время анализ языковых и этнографических особенностей в русской культуре Карелии свидетельствует о слабом представительстве в ней следов т.н. низовской, или ростово-суздальской колонизации.

История «русской» Карелии связана со сложением этнолокальных групп русских (поморы, заонежане, водозеры, выгозеры, даниловцы), характеризующихся общей территорией, единым самоназванием, общим локальным самосознанием и осознанием единства происхождения, а также некоторыми единными феноменами народной культуры. Характерной особенностью названных этнографических сообществ, за исключением даниловцев-старообрядцев, выделяющихся по конфессиональному признаку, является их формирование на стыке двух этноязыковых и культурных традиций – русской и прибалтийско-финской. Процесс консолидации в единое сообщество протекал в XVI–XVII, возможно и в XVIII вв.

Исторический экскурс в процесс формирования этноязыковой карты Карелии четко выявляет две тенденции. С одной стороны, на протяжении двух с половиной тысячелетий наблюдается процесс смены этнического самосознания и утраты языка (языков), с другой, преемственность этнокультурного развития. В XX в. в связи с изменением характера миграции и все убыстряющимися темпами этнической нивелировки происходит неуклонное сокращение прибалтийско-финской составляющей на этнолингвистической карте Карелии.

СОЦИАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С. Г. Мурина

КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

Стремительное и динамичное развитие туризма во второй половине XX века превратило туристскую индустрию в один из крупнейших секторов мировой экономики. На долю туризма приходится свыше 10% мирового национального продукта, в развитых странах каждый десятый работник занят в этой сфере. Однако туризм – это не только область экономической деятельности и прибыльный вид бизнеса, но и особый род массовых путешествий, способ отдыха и познания, приобщения к мировым культурно-историческим ценностям, уникальная возможность укрепить здоровье человека и восстановить его жизненные силы.

Туризм – это сложное многогранное явление современного мира, органично сочетающее в себе как экономические, так и социальные аспекты жизнедеятельности людей. Возрастание значимости туризма в жизни современного постиндустриального общества очевидно. Наряду с высоким экономическим потенциалом туризм имеет исключительно важное социальное значение, которое заключается:

– во-первых, в положительном влиянии туристского бизнеса на социально-экономическое развитие дестинации (принимающей стороны): дополнительные инвестиции способствуют развитию социальной инфраструктуры, появляются новые рабочие места, вследствие чего повышается жизненный уровень местного населения;